

Top 100

Тепло наших касаний

Ирэна Торская

Тепло наших касаний

«Автор»

2026

Торская И.

Тепло наших касаний / И. Торская — «Автор», 2026

Обычная жизнь Маши. Работа менеджером по продажам, уютная съемная квартира, жених Кирилл — прагматичный карьерист, который ценит только стабильность и выгоду. Однако у судьбы свои планы и Маша получает дар за доброту

© Торская И., 2026

© Автор, 2026

Ирэна Торская

Тепло наших касаний

Маша точно знала две вещи: дешевые колготки рвутся на пальцах ровно через три часа носки, а люди пахнут по-разному. Для остальных пассажиров утренней электрички Москва-Мытищи это был просто спрессованный коктейль из перегара, растворимого кофе и мокрой шерсти. Но Маша чувствовала иное.

От мужчины в мятом плаще веяло тревогой цвета свинца — он вез начальнику липовый отчет. От девушки-студентки пахло свежей зеленью надежды — ей сегодня должны были ответить из редакции журнала мечты. А вот женщина напротив... Женщина пахла пылью забвения. Старая, вытертая норковая шапка съехала набок, губы беззвучно шептали ругательства вслед молодому парню-продавцу.

Рынок встретил Машу привычной суетой. Она шла между рядами, стараясь дышать поверхностно. Чем больше вокруг людей, тем сильнее гудела голова. Этот гул она научилась приглушать музыкой в наушниках, но сегодня плеер разрядился.

— Ты куда прешь, корова неуклюжая! — раздался визгливый голос справа. — Разбила всё!

Музыка реальности мгновенно стихла. У лотка с соленьями стояла та самая женщина из электрички. Окружившие её торговцы напоминали стаю ворон. Банки с помидорами лежали в грязной жиже рассола, алые плоды катились под ноги прохожим. — Сама смотри, куда идешь, старая! — рывкнул грузный мужчина в жилете охранника. — Проваливай, пока полицию не вызвала. Товар испортила — плати. — Нечем мне платить, сынок, — тихо ответила бабушка, и плечи её задрожали. — Я ж эти помидоры сама сажала...

Внутри Маши что-то щелкнуло. Это была даже не жалость. Это было острое, звенящее чувство несправедливости, похожее на натянутую струну. Не раздумывая, она шагнула вперед. — Сколько? — громко спросила Маша, глядя прямо в глаза охраннику. Тот опешил: — Чего сколько? — Сколько стоят эти разбитые банки? И эта корзина грибов. И вон то ведро квашеной капусты, которую вы чуть не перевернули, когда толкали её.

Через десять минут Маша выходила с рынка, прижимая к груди пакет с чужими соленьями, оставшись почти без денег до зарплаты. Старушка семенила рядом, крепко сжимая рукав Машиного пальто свободной рукой. Её ладонь была сухой и горячей.

— Звать-то тебя как, доченька? — прошамкала она. — Маша. — А меня Анна Петровна. Спасибо тебе. Люди нынче злые стали, видят только кошельки друг друга. А ты увидела.

Они дошли до старой пятиэтажки на окраине. Бабушка долго возилась с ключами, наконец открыла дверь квартиры, пропахшей сушеными травами и старым деревом. — Зайди, выпей чаю. Негоже доброе дело убегать оставлять.

Маша хотела отказаться — нужно было успеть на работу, начальник опять будет штрафовать за опоздание. Но взгляд Анны Петровны вдруг стал очень ясным, молодым и цепким. Будто облака на секунду разошлись, открыв чистое небо.

— У тебя рука легкая, Мария, — сказала она, ставя чайник. — Только пустая она какая-то. Свет сквозь неё проходит, а тепла своего нет. Замерзнешь ты так, деточка. Сгоришь от чужого горя.

Анна Петровна подошла вплотную. Несмотря на возраст, она двигалась стремительно. Одним движением она расстегнула воротник Машиной блузки и прицепила к нему небольшую серебряную вещицу. Старинная подвеска с потускневшим янтарем. — Было у меня два сына. Оба в землю легли раньше срока. Дар мой тяжелый, видеть наперед — мука мученическая. Хотела с собой забрать, да вижу — нельзя тебе пустой ходить. Бери. Станет больно — сожми камень в кулаке. Думай обо мне.

Она буквально вытолкала растерянную Машу за дверь. Щелкнул замок.

Маша спустилась на улицу, зашла за угол остановки и посмотрела на подарок. Янтарь оказался неожиданно теплым, почти горячим. Девушка коснулась камня пальцем.

И оглохла.

Мир взорвался. Гудки машин превратились в вой сирены. Проезжающий мимо автобус полыхнул оранжевым пламенем в её глазах. Мужчина, идущий навстречу, внезапно покрылся серыми пятнами плесени. Маша закричала, выронила пакет с банками. Соленые огурцы рассыпались по асфальту, смешиваясь с талой водой.

Она прижала руку к груди, туда, где висел кулон, пытаясь защититься от этого потока информации. Камень обжигал кожу сквозь одежду. Последнее, что зафиксировало угасающее сознание перед тем, как колени ударились об ледяной асфальт — это запах пыли забвения, исходящий от самой себя.

Маша очнулась от резкого запаха нашатыря и холода. Она лежала на жесткой кушетке в вагончике охраны того самого рынка. Голова гудела, словно внутри переливали расплавленный свинец, а к горлу подступала тошнота.

— Ну ты даешь, девка, — пробасил над ухом тот самый охранник, который орал на старушку. Сейчас его голос звучал виновато. — Как упала плашмя, я аж перепугался. Скорую вызывать хотел, но ты сама очухалась. Эк тебя прихватило... Давление скакнуло?

Маша попыталась сесть. Пальцы сами собой метнулись к шее. Кулон был на месте, но янтарь теперь казался ледяным. — Где пакет? — хрипло спросила она. — Да вон, цел твой пластик. Мы банки собрали, что не побились. Хорошие у тебя огурцы, кстати. Бабку эту, Анну Петровну, искали по рынку — как сквозь землю провалилась. Домой, видать, ушла.

Маша поблагодарила охранника, подхватила свой спасенный пакет и вышла на улицу. Ноги были ватными. До офиса было три остановки на метро. Обычно этот путь занимал пятнадцать минут, но сегодня дорога превратилась в пытку.

В вестибюле станции «Бабушкинская» стоял гул. Маша спустилась по эскалатору и шагнула на платформу. Толпа навалилась со всех сторон. И тут дар решил напомнить о себе. Она случайно задела плечом парня в черной куртке. Обычное дело в час пик. Но в ту же секунду перед глазами вспыхнула картинка: этот парень стоит на краю крыши шестнадцатиэтажки, внизу мигает скорая, лицо искажено отчаянием. Видение длилось долю секунды, но Машу прошиб холодный пот. Парень прошел мимо, даже не обернувшись, затерявшись в толпе. Живой. Пока живой.

Следующей была женщина с ребенком. От девочки пахло больницей — стерильностью, лекарствами и страхом. Когда их руки соприкоснулись (девочка тянулась к Машиному пакету), Маша увидела узкий коридор реанимации и кардиомонитор, рисующий прямую линию. У нее перехватило дыхание. Она выскочила из поезда на следующей станции, глотая ртом воздух. Янтарь под блузкой начал нагреваться, пульсируя в такт бешеному сердцебиению.

«Это ошибка, — твердила она себе, сидя на холодной скамейке пересадочного узла. — Галлюцинация от удара головой. Анна Петровна просто сумасшедшая старая мошенница».

Чтобы доказать это самой себе, Маша решила провести эксперимент. Ей навстречу шел улыбчивый мужчина в дорогом костюме, разговаривающий по телефону. На вид — воплощение успеха. Маша сделала глубокий вдох и намеренно наступила ему на ногу. — Ой, извините! Мужик выругался в трубку, мазнул по ней злым взглядом и пошел дальше. Ничего. Никаких вспышек. Только раздражение. Значит, работает избирательно? Или только тогда, когда ей страшно?

На работу она опоздала на сорок минут. Кирилл уже ждал её у лифта. Его энергия всегда была похожа на идеально выглаженную серую рубашку — ни складочки, ни лишних эмоций. Удобно, предсказуемо, скучно. — Мария, мы обсуждали график, — начал он вместо приветствия. — Твои постоянные задержки ставят под угрозу квартальный отчет. Если у тебя про-

блемы личного характера... — Кирюш, давай потом, — перебила она, пытаясь протиснуться к кнопкам лифта. — Меня мутит ужасно.

Он схватил её за локоть. Это прикосновение обожгло. Лифт открылся, они вошли внутрь, двери сомкнулись, отрезая их от секретарши Леночки. В тесной кабине запах одеколона Кирилла стал невыносимым. И Маша увидела. Офис. Поздний вечер. Стол для переговоров. Бутылка вина. Коллега Ирочка из бухгалтерии поправляет волосы точно таким жестом, каким вчера заправляла прядь за ухо Маша. А Кирилл... Кирилл смотрит на неё тем самым собственническим взглядом, которым смотрел на Машу в первый год отношений. Картинка сменилась. Квартира. Упакованные коробки. «Мне нужно пространство для роста, Маша. Прости». Запах чужих духов на воротнике его рубашки, которую она сама же погладила утром.

Лифт дернулся, останавливаясь. Двери разъехались. Маша вырвала руку. — Всё кончено, Кирилл, — сказала она тихо, глядя прямо в его расширившиеся зрачки. — Ты о чем? Совсем перегрелась? — он попытался взять её за подбородок, но Маша отступила на шаг назад. — Не трогай меня. Я всё знаю про Ирочку. И про то, что ты собираешься снять квартиру поменьше, чтобы сэкономить на мне после расставания. Можешь собирать вещи. Сегодня.

Его лицо пошло красными пятнами. Он открыл рот, чтобы выдать тираду о том, что она сошла с ума и истеричка, но Маша уже шла по коридору к своему рабочему месту. Внутри впервые за долгое время не было паники. Была звенящая пустота.

Вечером, сбросив туфли, она сидела на кухне своей съемной однушки. Перед ней стояла чашка остывшего чая и открытый ноутбук. Поисковый запрос гласил: *«Как избавиться от дара ясновидения»*.

Гугл выдавал форумы эзотериков, рекламу гадалок («Сниму порчу») и статьи по психиатрии. Маша закрыла крышку. Слезы наконец-то прорвались наружу — горячие, злые слезы обиды на судьбу, на бабу, на Кирилла-предателя.

Она сжала янтарь в кулаке так сильно, что камень впился в ладонь. Боль физическая немного отрезвила. — Помоги, — прошептала она в пустоту кухни, сама не зная, кого просит — Бога или Анну Петровну. — Сделай так, чтобы это прекратилось. Я больше не могу это чувствовать.

Янтарь внезапно ответил волной такого глубокого, всепоглощающего тепла, что слезы высохли. Тепло шло не от камня — оно поднималось откуда-то из солнечного сплетения, заполняя каждую клетку тела. Страх исчез. Вместо него пришла странная, пугающая ясность. Словно кто-то включил свет в комнате, где она годами спотыкалась в темноте.

Маша встала и подошла к окну. Город жил своей жизнью: мелькали фары, спешили домой люди. Миллионы судеб. Кто-то сейчас теряет близкого, кто-то находит кошелек, кто-то признается в любви. Раньше эта мысль вызвала бы у неё приступ мигрени. Сейчас она чувствовала лишь ровный ток энергии.

Телефон завибрировал. Сообщение от неизвестного номера. *«Машенька, это соседка Анны Петровны снизу. Вы заходили к ней сегодня днем? Она чай заварила, села в кресло поговорить и... уснула. Навсегда. Просили передать вам вот это»*.

Ниже была фотография старой деревянной шкатулки. Рядом стояло блюдо с нетронутым чаем.

Маша стояла у окна, перечитывая сообщение. Слово «навсегда» никак не хотело укладываться в голове. Анна Петровна только утром была бодра — живая, быстрая, пахнувшая сушеным чабрецом и печалью. А теперь её просто нет.

— Успокоилась, значит, — прошептала Маша.

Она ожидала привычного удара видения — вспышки белого света или ощущения ледяной пустоты, которая всегда сопровождала мысли о смерти. Но ничего не произошло. Внутри было тихо. Тепло от янтаря под пальцами стало ровным, почти материнским. Казалось, камень впитывал её горе, перерабатывая его в спокойствие.

Шкатулку нужно было забрать. Адрес соседка скинула следом: Сушевский вал, старая коммуналка.

Район встретил Машу гулом Садового кольца. Нужный дом оказался дореволюционным доходным зданием с облупившейся лепниной. Подъезд пах кошками, сыростью и историей. Дверь открыла худая женщина в байковом халате. — Вы Мария? Проходите. Она про вас говорила вчера. Сказала, что вы светлая, но холодная очень, и что вам греться надо.

В комнате Анны Петровны царил идеальный порядок, который бывает только у людей, готовящихся к долгому отсутствию. На кружевной салфетке тикали старые часы с кукушкой, на стене висели черно-белые фотографии молодых парней в военной форме. Её сыновья.

Соседка кивнула на дубовый комод: — Там она оставила. Вам просила передать лично в руки, никому другому.

Маша подошла к комоду. Деревянная шкатулка была темной от времени, без лака, источавшей тонкий аромат кедра. Замка не было. Внутри, на бархатной подкладке цвета высохшей крови, лежало кольцо-печатка из черного серебра. Массивное, мужское, с едва различимым витиеватым узором. И сложенный вчетверо листок бумаги, выданный из школьной тетради в клетку.

«Машенька, — гласили торопливые строчки, — не бойся того, что видишь. Это- не проклятие, это работа. Люди слепы, им нужны поводыри. Этот перстень мой старший носил, он кровь останавливал одним касанием. Теперь твой черед силу держать. Только помни: дар забирает тепло. Чтобы не замерзнуть насмерть, тебе нужен свой человек. Тот, кто греет сам по себе. Не ищи его глазами, слушай руками. Как найдешь — береги. Твоя бабушка Аня».

Маша сжала перстень в ладони. Холодный металл вдруг начал стремительно нагреваться, пока не стал обжигающим. В глазах потемнело. Видение ударило резко, без предупреждения. Темнота. Запах мокрого асфальта и озона после грозы. Мужской голос матерится сквозь зубы — больно, зло, отчаянно. Звук бьющегося стекла. Хруст металла. И чьи-то пальцы, судорожно сжимающие её ладонь. Пальцы липкие от крови. «Только держись... слышишь, только не уходи...» — шепчет голос прямо ей в ухо. Боль чужих переломанных ребер врывается в её собственные легкие. Маша закричала, падая на колени посреди комнаты.

— Что? Что с вами? — всполошилась соседка. — Ничего... голова... я сейчас...

Маша выскочила на улицу, жадно глотая холодный вечерний воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Кольцо жгло карман пальто. Она видела будущее раньше, когда прикасалась к людям сама. Сейчас никто её не трогал. Значит, сила растет? Или кольцо работает как антенна?

Она достала телефон. Экран показывал 23:04. Три пропущенных от Кирилла (звонил, видимо, мириться или требовать объяснений) и одно входящее СМС от неизвестного номера, пришедшее минуту назад: «У меня авария. Загородное шоссе, поворот на Степаньково. Кофейня "У Михалыча". Приезжай. Ты нужна мне». Номер был скрыт.

Маша замерла. Текст сообщения бил точно в цель увиденного. Озон. Стекло. Кровь. Страх сковал ноги. Ехать одной ночью на загородное шоссе к раненому мужчине, которого она даже не знает? Это безумие. Кирилл бы назвал это диагнозом.

Она подняла руку. Таксисты у дороги один за другим проезжали мимо, не желая брать заказ в область так поздно. Маша уже отчаялась, когда рядом притормозил старенький вишневый универсал. Водитель опустил стекло.

Он был совсем не похож на бизнесмена Кирилла. Растянутый серый свитер крупной вязки, недельная щетина. От него пахло канифолью, старой бумагой и почему-то медом. Энергия исходила от него густая, медленная и невероятно теплая. Когда их взгляды встретились, Маша инстинктивно сделала шаг назад — обычно взгляд в глаза запускал механизм предвидения. Но сейчас экран внутри неё оставался темным. Она не видела ни его прошлого, ни будущего. Словно смотрела на монолитную скалу.

— Степаньково? — спросил он прокуренным, но мягким басом. — Садитесь, девушка, а то околеете. Я как раз в ту сторону, верстаки везу.

Маша колебалась секунду, глядя на его руки, лежащие на руле. Крепкие, рабочие пальцы с въевшимся машинным маслом. Руки, которые умеют создавать, а не только переключать бумажки. — Мне нужно быстрее, — выдохнула она. — Это вопрос жизни и смерти.

Алексей (имя она прочитала на бейджике, болтавшемся на зеркале заднего вида — видимо, подрабатывает курьером для своей мебельной мастерской) хмыкнул, оглядывая её городские ботинки и тонкое пальто. — Если вопрос жизни и смерти, то моя «ласточка» полетит. Только пристегнитесь. И держитесь крепче.

Дорога слилась в полосу желтых огней. Алексей вел машину уверенно, напевая что-то под нос. Он включил обогрев сидений на максимум. Тепло начало медленно растапливать лед страха в животе Маши.

— Вы странная, — бросил он, не отрывая глаз от дороги. — От вас морозом веет, хотя трясет всего. Умер кто-то? — Да, — честно ответила Маша. — Бабушка знакомая. — Оно и видно. У меня мать тоже... ушла недавно. Понимаю. Горе оно такое — сначала заморозит, потом отпустит.

Они свернули с трассы на разбитую дорогу вдоль лесополосы. Впереди замелькали красно-синие всполохи мигалок. МЧС и скорая. Сердце Маши пропустило удар. — Туда, — показала она дрожащим пальцем. — Остановите здесь.

Высочив из теплой машины под ледяной дождь, она побежала к кофейне. Входная дверь была вынесена внутрь взрывом или сильным ударом. Внутри стоял едкий запах гари и сладковатый дух свежей крови. Пол усыпан осколками витрины.

Посреди этого хаоса, прислонившись спиной к перевернутому столику, сидел мужчина. Его левая нога была неестественно вывернута, штанина пропиталась кровью. Правой рукой он зажимал рану на боку. Рядом сустились фельдшеры скорой, но они не могли подойти — сверху нависала тяжелая бетонная балка перекрытия, чудом державшаяся на честном слове и погнутом металлическом пруте. Любое движение медиков могло вызвать обвал.

Мужчина поднял голову. Лицо бледное, губы синие, но глаза ясные. — Я знал, что ты придешь, — прохрипел он. — Голова сказала приехать сюда и отправить тебе смс.

Это был тот самый парень из метро. Тот, что стоял на крыше. — Зачем... зачем ты это сделал? — спросила Маша, опускаясь перед ним на колени прямо в лужу чего-то липкого. — Балка треснула, когда фура влетела. Если бы я ушел — упала бы на заправку через дорогу. Там люди. Я её плечом подпер, думал выдержу... — он криво усмехнулся, теряя сознание. — Больно...

Фельдшеры кричали ей уходить, здание может рухнуть в любой момент. Маша проигнорировала их. Она сняла дорогое шерстяное пальто, бросив его на грязный пол, и положила руки поверх пальцев парня, которыми он зажимал бок. Поверх его рук легли свои. Затем она достала из кармана серебряный перстень Анны Петровны и надела его на мизинец.

— Тише, — прошептала она. — Просто дыши.

Она закрыла глаза, погружаясь в его боль. Это было похоже на нырок в ледяную воду. Перелом голени, разрыв селезенки, внутреннее кровотечение. Организм отключался. Но вместе с болью она чувствовала и другое — невероятную, ослепляющую волну тепла, идущую откуда-то извне. Эта волна толкала её вперед, заставляя сосуды парня сужаться, замедляя потерю крови. Она делилась своим жаром.

Балка над ними протяжно заскрипела. Фельдшер крикнул: «Сейчас рухнет!». Но Маша уже открыла глаза. Кровь перестала сочиться сквозь ткань брюк. Парень судорожно вздохнул, кожа начала розоветь. — Выносите! — скомандовала она врачам неожиданно твердым голосом. — Я удержу конструкцию тридцать секунд.

Парня быстро переложили на жесткие носилки. Маша встала, пошатываясь. Сил не осталось совсем. Она посмотрела на свои руки — они были чистыми, хотя должны были быть в крови. Серебряный перстень тускло блеснул в свете мигалок, впитав в себя весь ужас этой ночи.

— Девушка, вы с ним? — подошел врач. — Нет. Я... я просто шла мимо.

Она развернулась и пошла к выходу. Ноги подкашивались. На улице всё ещё лил дождь. Вишневый универсал Алексея стоял неподалеку. Он молча открыл пассажирскую дверь.

Маша села внутрь. Достала из кармана чек из кофейни, который подобрала с пола. На обратной стороне неровным почерком умирающего парня было написано имя: **Даниил**.

Алексей завел мотор, включил дворники. Они долго ехали в полной тишине, слыша только шум дождя по крыше. — Ну и ночка, — наконец сказал он, выворачивая руль. — Куда тебя отвезти?

Маша посмотрела на свою ладонь. Янтарь кулона больше не обжигал холодом. Впервые за этот бесконечный день он просто грел.

Маша назвала свой адрес, кутаясь в пахнущий бензином и сосновой стружкой свитер Алексея. В салоне было темно, тихо, и только «дворники» мерно размазывали по стеклу огни ночного города. Адреналиновый шторм отступал, оставляя после себя звенящую пустоту и свинцовую усталость во всем теле.

— С Даней всё будет нормально? — спросила она просто чтобы не молчать. Голос сел до шепота. — Врачи сказали — выживет, — Алексей покосился на неё. У него была странная манера смотреть на дорогу, но при этом видеть собеседника краем глаза. — Железный парень. Балку ту он минут сорок держал. Спасатель потом сказал, что там тонна веса минимум. Кости в фарш, а он диспетчеру звонит... тебя ищет. Маша вздрогнула. Значит, это был не бред от удара головой. Он действительно знал, что она придет. — Как он мог знать? — А как ты знала, куда ехать? — парировал Алексей. — Город маленький для тех, кто умеет слушать. Ты ведьма, что ли? Он спросил это без тени насмешки или страха. Просто как факт. От этого простого слова у Маши внутри всё оборвалось. Обычно люди пугались, начинали креститься или крутить пальцем у виска. — Я не знаю, кто я, — честно призналась она. — Раньше была менеджером по продажам офисной мебели. А сегодня меня бросил жених, умерла бабушка, которая оказалась прабабкой, и я остановила кровотечение силой мысли. Алексей хмыкнул, сбавляя скорость перед лежащим полицейским: — Офисную мебель я чую за версту. От нее пахнет отчаянием и дешевым кожаном. От тебя этим больше не пахнет. Пахнет озоном. Как после грозы. И медом. — Медом? — удивилась Маша. — Ну да. Липовым. Это от кольца, наверное. Или от тебя самой теперь.

Они подъехали к её дому — типовой шестнадцатиэтажке с грязно-бежевым фасадом. Окна квартиры темнели. Кирилл забрал ключи, когда уходил. Домофон тоже не работал — кто-то опять разбил лампочку. — Третий этаж? — догадался Алексей, глуша мотор. — Да. Спасибо, что подвезли. Сколько я вам должна за бензин и моральный ущерб? Вместо ответа он вышел из машины, обошел её и открыл ей дверь. Дождь усилился. — Замерзнешь, — констатировал он. — Ключи есть? — Нет. — Понятно.

Он легко подхватил её на руки, прежде чем она успела возразить. Маша инстинктивно обняла его за шею. От него шло такое ровное, домашнее тепло, что она впервые за сутки позволила себе расслабиться по-настоящему, положив голову ему на плечо. Запах древесной смолы стал густым, обволакивающим. На третьем этаже он ногой выбил хлипкий замок двери её соседки-алкоголички (дверь открывалась внутрь) и прошел через общую кухню.

— Где твои ключи обычно? — спросил он, опуская Машу на пол в прихожей. — В вазе... на трюмо...

Алексей уверенно прошел в комнату, порывшись в старенькой хрустальной вазе, нашел связку и вернулся. Открыл дверь. — Заходи. Грейся. — Вы... вы заходите? Чаю выпьем? —

ляпнула Маша, сама испугавшись своей наглости. Она никогда не приглашала мужчин домой после первого знакомства, тем более таксистов-спасателей. Алексей посмотрел на неё сверху вниз. Его взгляд был тяжелым, изучающим, но совсем не липким. Он сканировал её состояние. — Чай буду. Без сахара. И если найдешь мне чистую футболку, пока моя высохнет, буду благодарен. Меня окатило из радиатора, когда мы колесо меняли на трассе, аж пар шел.

Квартира встретила их запахом нежилого пространства и пыли. Пока Маша ставила чайник, стаскивая с себя мокрые вещи прямо в ванной, Алексей хозяйничал на кухне. Когда она вышла, замотанная в огромный махровый халат Кирилла (единственная теплая вещь, оставшаяся в шкафу), стол уже был протерт, а две кружки дымились. На Алексее была её старая футболка с логотипом какой-то IT-конференции — ворот трещал на широких плечах.

— Даниил выжил потому, что ты вмешалась? — спросил он, протягивая ей кружку. — Я не знаю, как это работает, — Маша села на табурет, грея ледяные пальцы о керамику. — Если я трогаю людей, я вижу, что с ними случится. Боль, смерть, ложь. Это сводило меня с ума. Анна Петровна дала мне кольцо... сказала, оно поможет управлять. Сегодня я никого не трогала руками, кроме него. Но я почувствовала его крик издалека. Будто между нами натянули струну. — Струну судьбы, — кивнул Алексей. — Бывает. Редко, но бывает. Моя бабка по отцу травницей была. Говорила, что мир живой. Что у каждого места, у каждой беды есть свой запах и своя нитка. Кто видит эти нити — тот либо лекарь, либо палач. Зависит от того, хочет он забрать боль себе или отдать свою силу другому. — Я забрала, — прошептала Маша. — Когда держала Даню, я чувствовала, как его кости встают на место. Но сейчас у меня болит нога. Там, где у него открытый перелом.

Алексей медленно поставил свою кружку на стол. Подошел к ней, присел на корточки рядом с табуретом. Его лицо оказалось на уровне её лица. — Покажи. — Что? — Ногу покажи. Не бойся, я не кусаться пришел. Я дерево всю жизнь лечу, может, и с человеком справлюсь.

Маша сглотнула. Сердце пропустило удар. Она подтянула полу халата. Правая голень ниже колена отекала и посинела, покрываясь сетью лопнувших капилляров. Классическая картина глубокого ушиба или трещины — следствие отдачи от дара.

Алексей осторожно, почти невесомо коснулся синяка кончиками пальцев. Тепло. То самое спасительное тепло потекло сквозь кожу вверх по венам. Но на этот раз видений не было. Была только блаженная анестезия. Боль растворялась, уступая место сонливости. — Трещина, — пробормотал Алексей, массируя лодыжку. — Тонкая. Плюс сильное истощение нервной системы. Тебе спать надо, ведьма. Причем трое суток подряд. — Я не ведьма, — выдохнула она, закрывая глаза от удовольствия. Его руки творили магию лучше любого кольца Анны Петровны. — Ведьма, — мягко усмехнулся он. — Самая настоящая. Только неумелая еще. Дай сюда железку свою.

Маша непослушными пальцами сняла серебряный перстень и вложила в его ладонь. Алексей подержал его секунду, нахмурился. — Холодная. Выпила тебя досуха. Ладно, будем заряжать. Он вдруг наклонился и прижался губами к её губам.

Поцелуй не был страстным или требовательным. Он был глубоким, спокойным и невероятно горячим. Маша почувствовала, как энергия, которую она отдавала весь вечер, возвращается обратно десятикратно. По телу прошла волна жара, выгоняя остатки озноба. Янтарь кулона на её шее вспыхнул так ярко, что свет пробился сквозь ткань халата.

Алексей отстранился. Глаза его в полумраке кухни казались совсем черными. — Вот, — сказал он довольно. — Теперь полный. И кольцо зарядил заодно. Только учти: я жадный. Своё тепло я просто так не раздаю. Оно теперь только для тебя.

За окном продолжала реветь непогода, но здесь, на маленькой кухне, наступила абсолютная тишина и покой.

Маша проснулась от непривычной тишины. Не было назойливого писка будильника, запаха растворимого кофе и звука включенного душа, за которым Кирилл обычно прятался

от утренних разговоров. Вместо этого пахло озоном, дождем и свежесваренным кофе в турке — терпким, настоящим.

Солнце заливало кухню так ярко, что резало глаза. Маша села на диване, подтягивая сползший плед. Она была укрыта тем самым махровым халатом Кирилла, а под головой вместо подушки обнаружилась джинсовая куртка Алексея. Сам хозяин квартиры стоял у плиты в одних спортивных штанах с низкой посадкой, насвистывая какой-то старый рок-н-ролл. На его широкой спине переплетались тугие мышцы, покрытые старыми шрамами и следами ожогов — карта человека, который не боится лезть в самое пекло.

— Доброе утро, офисная мебель, — не оборачиваясь, сказал он. — Яичница будет через три минуты. Глазунья пойдет? А то омлет из меня такой же, как из тебя водитель — одни жертвы.

Маша плотнее закуталась в халат, чувствуя, как горят щеки. Вспышка памяти: ночная кухня, пульсирующий янтарь, поцелуй, отдающий силой грозы. Это был не сон. — Ты... ты здесь ночевал? — Диван жесткий, — пожал плечами Алексей, раскладывая яичницу по тарелкам. — Но зато живой. В отличие от кофейни «У Михалыча». Кстати, звонили из больницы. Даня очнулся ночью. Требовал твой номер телефона. Врачи говорят, перелом зарос аномально быстро. Уже гипс сняли, лангетку наложили.

Маша замерла с куском хлеба в руке. Страх снова ледяной иглой кольнул под ребра. — Аномально? — Ну да. Чудо, если официально. Слушай, ешь давай. Тебе нужно мясо и углеводы. Ты вчера сожгла годовой запас калорий.

Завтрак прошел в странной уютной тишине. Они ели прямо со сковородки, стоя у окна. Солнце высушило лужи во дворе, и мир казался обманчиво безопасным. — Мне надо на работу, — сказала Маша, глядя на экран телефона. — Пять пропущенных от начальника. Наверное, уволит. — За один прогул? — усмехнулся Алексей, протягивая ей кружку с кофе. — Брось. Если начальник идиот, пусть увольняет. Найдешь лучше. У таких, как ты, работа всегда найдется. — Таких, как я? — она подняла на него взгляд. — Сумасшедших? — Видящих, — поправил он серьезно. — Дар Анны Петровны теперь полностью твой. Перстень больше не нужен для активации, он просто батарейка. Источник — это ты. Твоя эмпатия.

Он подошел вплотную. От него всё еще пахло древесиной, но теперь к этому примешивался запах её шампуня. Он взял её руку, повернув ладонью вверх. Там, где вчера чернел синяк, осталась лишь легкая желтизна, как от старого ушиба. — Боль других уходит в землю, когда ты рядом со мной, — тихо произнес Алексей. — Дерево заземляет электричество. Проверим теорию?

Офис встретил Машу запахом паники и валерьянки. Начальник отдела продаж, Илья Маркович, красный как рак, уже открывал рот для публичной порки, когда увидел её лицо. — Мария! Где вы были?! Клиент расторг контракт из-за вашего отсутствия! Вы подвели всю компанию! Обычно после такого Маша начинала плакать или мямлить оправдания. Но сегодня внутри неё сидел горячий уголек вчерашнего пожара. Она молча прошла к своему столу, включила компьютер и открыла базу данных. — Контракт с фирмой «СтройИнвест»? — спокойно уточнила она. — Да! И они... — Они купили здание на улице Радио, которое признано аварийным полгода назад, — перебила Маша. Голос звучал ровно и громко, заставляя замолчать даже бухгалтера в коридоре. — Фундамент там треснул месяц назад. Если бы сделка состоялась, ваш клиент потерял бы втрое больше денег на судах. Я спасла их активы. Можете считать мое отсутствие внеочередным отпуском за свой счет. Заявление принесу после обеда.

Илья Маркович побагровел еще сильнее, хватая ртом воздух, но крыть было нечем. Впервые за пять лет работы Маша смотрела на шефа без страха. Более того, она видела серую липкую паутину его алчности, тянущуюся к сейфу. Ей стало смешно.

Она положила заявление на стол, взяла сумку и вышла, проигнорировав шипение коллег за спиной. На улице её ждал вишневый универсал. Алексей сидел на капоте, жуя травинку. — Тебя уволили? — спросил он с надеждой. — Кажется, я уволила весь отдел маркетинга одним взглядом, — улыбнулась Маша. — Куда едем? — Работать. Поможешь мне отличить карельскую березу от обычной. Мой глазомер сбоят после недосыпа.

Мастерская Алексея располагалась в старом ангаре на территории бывшего завода ЗИЛ. Огромное гулкое пространство, залитое светом из стеклянной крыши. Повсюду стояли стеллажи с досками, пахло лаком, клеем и историей. Здесь жили столы из векового дуба, стулья с гнутыми спинками и комоды, помнящие революцию.

— Вот этот срез, — Алексей указал на огромный пласт дерева. — Заказчик говорит — карелка. Цена золотая. А я смотрю и сомневаюсь. Приложи руку.

Маша послушно подошла. Древесина была теплой. Как только пальцы коснулись узора, сознание привычно поплыло. Но видения о судьбах людей сменились ощущением самого леса. Она почувствовала холодный северный ветер, укусы мошкеры, медленный рост колец десятилетиями. — Это подделка, — уверенно сказала она. — Верхний слой настоящий, сантиметра два. А под ним — обычная фанера, склеенная из шпона. Её пытались состарить кислотой, поэтому рисунок такой рваный. Жулики.

Алексей присвистнул, доставая стамеску. Сделав пробный надрез, он обнажил дешевую основу. — Черт возьми. Как ты это делаешь? Ты читаешь дерево, как книгу. — Оно само рассказывает, — пожала плечами Маша. — Ему больно, когда его режут тупым инструментом. Оно злится, когда гниет изнутри.

Они проработали до вечера. Маша помогала сортировать заказы, находя скрытые дефекты в полах и реставрируя старинные рамы. Рядом с Алексеем дар перестал быть проклятием. Он стал инструментом. Лупой, позволяющей видеть суть вещей.

Вечером, когда последние лучи солнца окрасили пыль в мастерской в золотой цвет, Алексей отложил рубанок. — Есть хочу зверски. Поедем ко мне? У меня дом за городом. Настоящий сруб. Никаких соседей с перфораторами.

Маша посмотрела на свои руки — чистые, без следов клея, хотя она работала весь день. Потом перевела взгляд на мужчину. Вчера он подобрал её, мокрую птицу с обломанными крыльями. Сегодня дал дело и место, где её странность считалась талантом. — Только если будешь готовить ты, — улыбнулась она. — Омлет из тебя действительно ужасен.

Алексей рассмеялся — глухо, раскатисто, от чего вибрация прошла по всему ангару. Он подошел, поднял её на руки, словно пушинку, и понес к выходу. — Договорились. Но учти, завтрак в постель тоже входит в условия сделки. — Какой сделки? — спросила она, пряча лицо у него на шее. — Сделки на тепло, — прошептал он, открывая тяжелую железную дверь. — Ты греешь мои доски своим даром, а я грею твою постель своим телом. Энергетический обмен должен быть равноценным.

Дом Алексея оказался не просто срубом, а настоящей деревянной крепостью на берегу заросшего камышом озера, в часе езды от города. Никаких высоченных заборов — только вековые сосны и запах хвои.

— Пришлось восстанавливать по бревнышку, — пояснил Алексей, занося сумки внутрь. — Прощлые хозяева хотели сделать здесь пластиковый «теремок». Еле отбил у застройщика.

Внутри пахло сушеными травами, печным кирпичом и тем самым медом, который Маша почувствовала еще в машине. Потолки были высокими, массивные балки пересекали пространство под углом, а вместо люстры висела старинная паникадило из кованого железа со свечами-лампочками.

— Это чтобы духов отпугивать? — кивнула Маша на потолок. — Это чтобы проводка была аутентичной, — усмехнулся он. — Иди сюда.

Он провел её через просторную гостиную с огромным диваном, застеленным шкурой (надеюсь, искусственной, подумала Маша), на задний двор. Там стояла настоящая русская баня: почерневший от времени сруб с маленьким резным окошком. — Сначала смываем городскую пыль, потом едим мясо. Порядок нарушать нельзя, иначе веник обидится.

Баня оказалась пределом мечтаний замерзшей городской ведьмы. Полки из липы источали сладкий аромат, камни в печи гудели ровно и глубоко. Когда жара стала невыносимой, Алексей плеснул на них квасом. Пар ударил в лицо запахом хлеба и ржаного солода.

— Ложись, — командовал он, указывая на верхний полоч. Маша легла на живот, чувствуя, как жар проникает до самых костей, выгоняя остатки вчерашнего озноба. Алексей зачерпнул воду деревянным ковшом, разбавил и начал работать двумя огромными дубовыми вениками.

Это было похоже на странный обряд. Он не бил сильно, а словно гладил воздух над её телом, нагнетая тепло. Каждый взмах веника поднимал волну горячего ветра. — Дыши носом, — командовал он. — Выдыхай страх. Анна Петровна тебя заморозила своим даром, чтобы ты сама себе не навредила раньше времени. А теперь лед тает. Чувствуешь?

Маша чувствовала. Под руками мастера дерево будто пело. Она закрыла глаза и вдруг увидела мир его глазами. Стружка под ногами казалась золотой россыпью, волокна древесины светились изнутри синим светом, показывая внутреннее напряжение дерева. Сам воздух был пронизан миллионами невидимых нитей. Она потянулась рукой и коснулась его голени. В ту же секунду видение изменилось. Она увидела сквозь мышцы и кости переплетение сосудов, но они не пугали, как человеческие болезни. Они текли медленно, как сок весной. Алексей был живым деревом в человеческой оболочке.

— Хватит сканировать, — его голос прозвучал низко, с легкой хрипотцой. Он плеснул холодной водой ей на спину. — А то я сейчас вспыхну.

После бани, завернувшись в льняные простыни, они сидели на веранде. Солнце садилось за озеро, окрашивая воду в цвет расплавленного золота. На столе стоял чугунок с тушеной картошкой с мясом, нарезанное крупными ломтями сало и графинчик с чем-то янтарным.

— Настойка на кедровых орешках, — Алексей разлил напиток по стопкам. — Бабкин рецепт. Для заземления. — Мне нужно заземление? — фыркнула Маша, принимая стопку. Стекло приятно холодило пальцы. — Тебе нужен фундамент, — серьезно ответил он, чокаясь. — Ты вчера Даню спасла, потому что твоя сила пошла напрямую, без фильтра. Ты чуть себя не выпила до дна. Так сгореть можно. Нужно научиться пускать ток в землю. Дерево помогает.

Они выпили. Спиртное обожгло горло, но тут же растеклось по телу густым, успокаивающим теплом. — Почему ты мне помогаешь? — спросила она тихо. — Я же... неудобная. От меня одни проблемы. Кирилл сбежал, коллеги шарахаются.

Алексей отложил вилку. Его взгляд стал тяжелым, пронзительным. — Потому что я вижу нити, Маш. Не так, как ты. Я их чувствую руками. Большинство людей связаны друг с другом гнилыми веревками долгов, лжи или страха. Такие связи рвутся с кровью. А между нами натянута стальной трос. Как только ты села в машину там, у кофейни, нас притянуло намертво. Я пытался сопротивляться первые десять километров, думал — показалось. Но когда ты положила руку на колено Даниила и вытащила его с того света, сидя в десяти километрах оттуда... сопротивление стало бесполезным.

Маша сглотнула. Воздух вокруг неё загустел. Тепло настойки смешивалось с жаром, идущим от Алексея. Он протянул руку через стол и накрыл её ладонь своей. Огромной, шершавой от работы.

Прикосновение отозвалось не видением смерти или боли. Перед глазами вспыхнуло будущее. *Их руки на старом подоконнике этого самого дома. За окном падает пушистый снег. У*

Маши огромный живот, обтянутый фланелевой рубашкой Алексея. Она смеется, пытаясь поймать снежинку губами. Слышен детский топот маленьких ножек.

Видение длилось секунду, но оно было ярче реальности. Оно пахло снегом, хлебом и абсолютным счастьем. Маша резко выдохнула, выдергивая руку. Щеки пылали уже не от пара. — Что это было? — прошептала она. — Это называется совместимость, — Алексей улыбнулся уголком губ, но глаза оставались серьезными. — Твой дар показал тебе самый вероятный исход нашего прикосновения лет через пять. Довольно оптимистичный прогноз, учитывая твой характер. — Я не... — Знаю. Ты напугана. Дар всегда пугает сначала. Поэтому иди сюда. Обещаю, сегодня никаких предсказаний о конце света. Только тактильный контакт.

Он поднялся, обошел стол и поднял её на ноги. Простыня соскользнула с плеч, упав на деревянные доски пола. — Боюсь увидеть что-то плохое, — призналась она, глядя ему в ключицы. — Не увидишь, — он мягко взял её за подбородок, заставляя поднять голову. — У плохих людей энергия кислая, как уксус. От меня пахнет домом. Разве нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.